

Сад

Я видел дивный райский сад,
Зеленый вертоград;
Там дивные плоды росли,
Бананы, виноград;

Привольно Божьим тварям там
И плавать, и летать,
Но ах! Погибли все они
И не придут опять.

И все деревья, что росли,
Давая нам плоды,
Теперь песком занесены,
И высохли пруды,

И птицы райские уже
Замолкли, не поют,
И рыбам в грязной той воде
Уж не найти приют.

Но не забудем мы тебя,
О дивный райский сад,
И вертоградари придут,
Тебя возобновят.¹

---

¹ Из «Книги гимнов вертоградаря».
Перевод Т. Боровиковой.

Год потопа

*Тоби**Год двадцать пятый, год потопа*

Ранним утром Тоби поднимается на крышу — наблюдать восход. Она опирается на палку от щетки: лифт давно уже не работает, а задняя лестница склизкая от сырости, так что если Тоби поскользнется и упадет, подбирать ее будет некому.

Приходит первая волна зноя, и дымка поднимается из полосы деревьев, отделяющих Тоби от допотопного города. Слабо пахнет горелым — карамелью, смолой, протухшим жареным мясом, пепельно-сальным ароматом горелой помойки, сбрызнутой дождем. Брошенные башни вдали — словно кораллы древнего рифа: белесые, выцветшие, безжизненные.

Хотя какая-то жизнь еще сохранилась. Чирикают птички: воробьи, должно быть. Ясные, резкие голошишки — как гвоздем по стеклу; шум машин их больше не заглушает. Замечают ли сами птицы эту тишину, отсутствие моторов? А если да — стали ли они счастливей? Тоби понятия не имеет. В отличие от других вертоградарей — среди них попадались такие, с безумными глазами или наркоманы, — Тоби никогда не считала, что может разговаривать с птицами.

Солнце на востоке все ярче, оно окрашивает алым серо-голубую дымку над далеким океаном. Грифы, примостившись на электрических столбах, расправляют крылья, чтобы посушить их, — раскрываются, как черные зонтики. Один за другим они взмывают

на восходящих воздушных течениях и по спирали поднимаются вверх. Если гриф камнем бросился вниз — значит, завидел падаль.

«Грифы — наши друзья, — учили когда-то вертоградари. — Они очищают землю. Они необходимы, они — посланные Господом черные ангелы плотского разложения. Представьте себе, как ужасно было бы, если бы не было смерти!»

«Интересно, верю ли я в это по-прежнему?» — думает Тоби.

Вблизи все выглядит иначе.

На крыше есть несколько ящиков с декоративными растениями, которые уже давно разрослись как попало, и несколько скамеек из пластмассы под деревом. Раньше был еще навес от солнца, для приемов с коктейлями, но его давно унесло ветром. Тоби садится на скамью и начинает рекогносцировку. Она подносит к глазам бинокль и ведет им слева направо. Дорожка, обсаженная люмирозами — они стали неопрятны, как облезлые щетки для волос, а сейчас их пурпурное свечение меркнет в крепнушем свете дня. Западные ворота, отделанные розовой солнечнокожей под штукатурку, за воротами — переплетение машин.

Цветочные клумбы, задушенные чертополохом и лопухами. Над ними порхают огромные аквамариновые мотыльки кудзу. Фонтаны — их чаши в форме раковин полны застоявшейся дождевой воды. Стоянка для машин — там брошена розовая тележка для гольфа и два розовых фургона с подмигивающим глазом, логотипом салона красоты «НоваТы». Дальше стоит еще один фургон, врезавшийся в дерево; раньше из окна свисала рука, теперь ее больше нет.

Просторные лужайки заросли высокими сорняками. В зарослях молочая, астр и щавеля вздымаются не-

ровные длинные бугры: там и сям виднеются клоки материи, кое-где блестит голая кость. Здесь падали люди — те, кто бежал или брел, шатаясь, по газону. Тоби видела это с крыши, скрючившись за ящиком с цветами, но долго смотреть не стала. Кое-кто из них звал на помощь — словно знал, что она там. Но она все равно ничего не могла бы сделать.

Бассейн покрылся пестрым одеялом из водорослей. Там уже завелись лягушки. Цапли и журавлины ловят их на мелком конце бассейна. Одно время Тоби пыталась выуживать оттуда утонувших мелких зверьков. Светящихся зеленых кроликов, крыс, скунотов с полосатыми хвостами, в черных бандитских масках. Но теперь бросила это занятие. Может, от них в бассейне как-то заведется рыба. Когда он станет больше похож на болото.

Неужели она собирается есть эту теоретическую будущую рыбу? Никогда.

Во всяком случае, не сейчас.

Она обращает бинокль на темную полукруглую стену деревьев, лиан, разросшихся кустов, вглядывается в нее. Именно оттуда может прийти опасность. Но какая? Тоби не может себе представить.

Ночью слышны обычные звуки: далекий лай собак, писк мышей, стрекотание сверчков — будто вода шумит в водосточной трубе, редкое басистое кваканье жаб. Кровь шумит в ушах: «та-дыш, та-дыш, та-дыш». Словно тяжелая метла заметает сухие листья.

— Иди спать, — вслух говорит она.

Но она плохо спит с тех пор, как осталась одна в здании. Иногда она слышит голоса — человеческие, страдающие, зовущие на помощь. Или голоса женщин, которые здесь когда-то работали, и беспокойных клиентов, ищущих отдыха и омоложения. Они плескались

в бассейне, гуляли по траве. Розовые безмятежные голоса, навевающие покой.

Или голоса вертоградарей бормочут или поют; или дети смеются хором, высоко на крыше, в саду «Райский утес». Адам Первый, Нуэла, Бэрт. Старая Пилар среди своих пчел. И Зеб. Если кто из них и выжил, это наверняка Зеб. Он может появиться в любой момент: покажется на дорожке, ведущей к дому, или шагнет из кустов.

Скорее всего, он уже мертв. Лучше так думать. Чтобы не надеяться зря.

Хотя кто-то ведь должен был остаться; не может быть, что она — единственный человек на планете. Должны быть другие. Но кто они — друзья или враги? И как отличить, если она увидит кого-нибудь?

Она готова. Двери заперты, окна забиты. Но даже это ничего не гарантирует: каждое пустое пространство приглашает захватчиков.

Даже во сне она прислушивается, как зверь, — вдруг нарушится привычный рисунок, раздастся незнакомый звук, тишина вскроется, как трещина в скале.

«Если мелкие создания замолкли, — говорил когда-то Адам Первый, — это значит: они чего-то боятся. Прислушивайся к звукам их страха».

2

Рен

Год двадцать пятый, год потоп

«Берегись слов. Думай, что пишешь. Не оставляй следов».

Так учили вертоградари, когда я жила среди них ребенком. Они учили нас полагаться на память, потому

что ничему записанному доверять нельзя. Дух переходит из уст в уста, а не от вещи к вещи; книги горят, бумага истлевает, компьютеры можно уничтожить. Лишь Дух живет вечно, а Дух — не вещь.

А что до писем, все Адамы и Евы говорили, что писать — опасно, потому что враги могут выследить тебя через написанное тобою, взять в плен и использовать твои слова против тебя.

Но теперь, когда пришел Безводный потоп, можно писать спокойно: те, кто мог использовать написанное против меня, уже, скорее всего, мертвы. Пиши что хочешь.

И вот я пишу свое имя карандашом для подводки бровей на стене рядом с зеркалом. Я уже много раз его написала. «Ренренрен» — словно песня. Если человек слишком долго остается один, он может забыть, кто он. Аманда мне говорила.

Я ничего не вижу в окно — оно из стеклоблоков. Я не могу выйти через дверь, она заперта снаружи. Но у меня все еще есть воздух и вода, пока не откажут солнечные батареи. И еда.

Мне повезло. На самом деле мне очень повезло. Считай свои удачи, говорила Аманда. И вот я начинаю считать. Раз: мне повезло, что, когда пришел потоп, я работала тут, в «Чешуйках». Два: еще больше мне повезло, что меня заперли в изоляторе, или «липкой зоне», потому что здесь я оказалась в безопасности. У меня порвалась биоупленка-скафандр: клиент увлекся и укусил меня, прямо сквозь зеленые чешуйчатые блестки. И я ждала результатов анализов. Я не очень беспокоилась: разрыв не мокрый, а сухой, кожный покров цел, никаких выделений внутрь не попало, просто пленка порвалась у локтя. Но в «Чешуйках» всегда проверяли все досконально. Они заботились о своей репутации: у нас была слава «самых чистых грязных девочек в городе».

Здесь, в клубе «Хвост-чешуя», всегда заботились о сотрудниках, по правде. О квалифицированных, то есть. Хорошая еда, при необходимости — врач, отличные чаевые, потому что сюда приходили люди из лучших корпораций. Клуб хорошо управлялся, хотя и находился не в самом лучшем районе города, как и все остальные клубы. Это вопрос имиджа, говорил, бывало, Мордис: сомнительный квартал — это хорошо для бизнеса, потому что у нашего продукта должен быть особый привкус: порочный, крикливый блеск, сомнительный душок. Что-то должно отличать нас от простецкого товара, какой клиент может и дома получить: в трикотажных трусах и со слоем крема на физиономии.

Мордис любил говорить прямо. Он крутился в этом бизнесе с детства, а когда приняли законы против сутенеров и уличной проституции — власти говорили, что это в интересах общественного здоровья и безопасности женщин, — все ремесло подмял под себя «Секс-торг» под контролем ККБ, Корпорации корпоративной безопасности. И Мордис перескочил туда, воспользовавшись своими связями.

«Тут важно, кого ты знаешь, — говорил он, бывало. — И что именно ты о них знаешь».

Тут он ухмылялся и хлопал собеседницу по заду — но чисто по-дружески: он никогда сам не пользовался своим товаром. У него были четкие понятия.

Он был жилистый, с бритой головой и черными блестящими живыми глазками, похожими на муравьиные головки. Он был покладист, пока все шло хорошо. Но умел за нас постоять, если вдруг клиент начинал бузить.

«Я никому не позволю обижать моих девочек», — говорил он. Для него это был вопрос чести.

И еще он не любил зря переводить товар: он, бы-

вало, говорил, что мы — ценные активы. Сливки сливок. После захвата рынка корпорацией «Сексторг» все, что осталось вне системы, было незаконно и к тому же выглядело жалко. Горстка больных старух, которые таскались по темным проулкам, едва ли не попрошайничая. Ни один мужчина, который хоть что-то соображает, к ним и близко не подошел бы. В «Чешуйках» мы называли таких «опасные отходы». Конечно, нам не следовало задирать нос; мы могли бы проявить сострадание. Но сострадание требует труда, а мы были молоды.

В ночь, когда пришел Безводный потоп, я ждала результатов своих анализов; в таких случаях нас запирали в «липкой зоне» на несколько недель: вдруг у нас окажется что-то заразное? Еду передавали снаружи через герметизированный шлюз, и к тому же внутри был холодильник с разными снеками, и вода фильтровалась как на входе, так и на выходе. Здесь было все, что нужно человеку, но в конце концов становилось скучно. Можно было упражняться на тренажерах, и я этим занималась подолгу, ведь танцовщице нужно держать себя в форме.

Можно было смотреть телевизор или старые фильмы, слушать музыку, говорить по телефону. Или заглядывать в разные комнаты «Чешуек» по видеонтеркому. Иногда в разгаре сеанса с клиентом мы смея ради подмигивали в камеру, не переставая стонать, — чтобы подбодрить коллегу, застрявшую в «липкой зоне». Мы знали, где спрятаны камеры, — за украшениями из змеиной кожи или перышек на потолке. В «Чешуйках» мы были как одна большая семья, и Мордису нравилось, когда сотрудницы, сидящие в «липкой зоне», делали вид, что по-прежнему участвуют в жизни клуба.